

Малой родины ГЛОТОК...

Наша машина пронеслась мимо него – сгорбленного, потерянного, стоявшего одиноко в зарослях нескошенной травы, в которой можно было человеку затеряться...

Я откинулся на спинку сиденья, и подумалось, как тяжело ему доживать последние годы... В полном одиночестве. Брошенному. Позабытому. Никому не нужному. О чем он мог бы со мною или с любимым путником, притормозившим рядом, поговорить? О чем поведать?

Его грустная исповедь, наверное, звучала бы так...

...Были б слезы, поверьте, плакал... Но это делают за меня дожди, что по осени днями и ночами стучат по прохудившейся крыше. Это они, как сказал кто-то из поэтов, «чайничают» вместе с ветром у заросшего крыльца...

Эх, дай вам Бог не познать одиночества!

А ведь когда-то в горнице у нас былолюдно, шумно да ладно. И всему тому счастью, что царило здесь, и бедам, которые тоже нас не забывали и порой навещали, я был свидетелем. Пусть немым. Моего мнения никто никогда не спрашивал. Но я так много знал, видел и слышал – даже то, что произносилось малышами шепотом под одеялом. Но всегда молчал. При этом всячески оберегал секреты взрослых и детей. Радовался первым крикам младенцев, явившихся на свет, и слышал последние вздохи старух, что оставляли эту грешную землю, – великих тружениц, в свои последние дни не сводивших глаз с образов и вымаливавших у Господа легкую кончину. Видели бы вы их руки с искореженными трудом и болезнями пальцами... Я помню, как убивались солдаты, к чьим дверям почтальоны приносили похоронки. И слышал объяснения в любви.

Я особенно любил детей. Мне нравилось слышать их гомон, наблюдать за потасовками. Зимой они возвращались с улицы домой и спешили прижаться к печке, чтобы она, моя верная подруга и спутница, отогрела озябшие ручонки. А потом они засыпали, и их посапывание звучало для меня как гимн. Гимн семейному счастью. Потом мне оставалось ждать, когда они вырастут, сыграют свадьбу и однажды распеленают нового младенца. Я буду за ним присматривать. И радоваться...

Все бы ничего, только с годами все те юные, в кого я влюблялся и оберегал, однажды, расцеловав стариков, тихо прикрывали за собой дверь и уходили. В город – в ту жизнь, что кипит на его залитых светом фонарей улицах. Где женихов и невест поболее, да и выбор работы побогаче. А я? Я буду доживать свой век со стариками, постепенно провожая их в последний путь, пока не останусь совсем один. Кто-то из родственников или соседей навесит для вида замок на дверь. Но я не умру. Я еще буду жить и жить в ожидании тех, кого когда-то оберегал и обогревал. С надеждой, что вспомнят меня и вернуться. В свой родной дом. Изрядно обветшавший. Накренившийся. Покосившийся.

Да, я год от года все больше вырастаю в землю. И на личники, по которым когда-то меня, красавца-молодца, выделяли во всей округе, сегодня поблекли и потреска-

лись. Эх, мне бы почувствовать вновь руки тех, чьи голоса когда-то звучали в горнице. Даже если они со своими семьями будут приезжать только по выходным... Даже пусть только на лето... Я бы ждал. И жил ради этого...

А есть дома счастливые...

Мне как журналисту, мотающемуся по области, часто показывают родовые гнезда, откуда выпорхнули мои друзья, или те, с кем часто приходится общаться, встречаться. В Мантуровском районе, минуя село Заречное, я набираю телефон Татьяны Михайловны Силиной.

– Слушай, проезжаю мимо твоего дома. Мне его показали, – вещаю в трубку. – Он, наверное, гордится тобой.

– А я его не могу забыть. Люблю с пеленок. Он ведь взрастил меня. Мне кажется, что именно в отчих домах, согреваемых любовью родителей, живет счастье. И всегда, когда появляется возможность, навещаю.

...Взбежало на взгорок село Нижний Реутец, что в Медвенском районе. Дома, словно солдаты в шеренгу, выстроились в линейку и своим многоглазием окон немного надменно сверху посматривают на речку, луга, что раскинулись в низине. Отсюда хорошо виден дом Галины Павловны Огороковой – по-современному обустроенный, с душой обихожженный.

Да, она живет в Курске, но выкраивает время и приезжает сюда с семьей, собирает старых друзей. И тогда здесь с удовольствием предаются воспоминаниям, поют близкие их духу песни.

Завидные судьбы у этих домов! Их не забыли. Их навещают. Их любят. Да и как забыть? Здесь малышами мы обвивали своими ручонками шею матери и утирали на ее лице слезинки. Здесь познавали мир. Добро и зло. Обретали веру в друзей. Корпели над домашними заданиями и спешили как можно быстрее вырваться на улицу к приятелям. Сюда возвращались, окрыленные любовью и огорченные потерями. С победами и неудачами...

Без упреков и назиданий родительский дом принимал нас такими, какие мы есть...

Может быть, действительно, однажды послать к черту все – ворох дел и кучу проблем. Взять и рвануть семьей в родные пенаты! Пройтись по старому саду, усыпанному яблоками. Посидеть на растрескавшейся и покосившейся скамейке, помнящей твое детство... Глубоко вдохнуть свежего, настоящего на травах воздуха... И – возрадоваться! Ведь это малой родины глоток! Сладкий, как мед. И вкусный, как топленое молоко, налитое в глиняную кружку из бабушкиных рук.

Михаил ИЗOTOV,
главный редактор журнала